

Тебя молить я слишкомъ гордѣ,—
Мы не равны ни здѣ, ни тамъ,—
И въ хорѣ звѣздъ не слиться намъ
Въ созвучій родственныхъ аккордѣ.
И пусть твой образъ роковой
Мнѣ никогда не позабыть...
Мнѣ стыдно женщину любить,
И не назвать ее сестрой.

И опять-таки, несмотря на ощутительный недостатокъ поэтического выраженія, мы готовы были признать это стихотвореніе вполне прекраснымъ, если бы его не испортила риторическая фраза:

И въ хорѣ звѣздъ не слиться намъ
Въ созвучій родственный аккордѣ.

Но что такое, напримѣръ, стихотворенія «Героямъ нашего времени»?

Нѣтъ, нѣтъ,—нашъ путь иной. И дикъ и стра-
шенъ вамъ,
Чернильныхъ жаркихъ битвъ копецнымъ бой-
цамъ,

Подъятый факелъ Немезиды;
Вамъ низость по душѣ, вамъ смѣхъ страшнѣе
зла,
Вы сердцемъ любите лишь лай изъ-за угла,
Да бой пѣтушій за обиды!
И гдѣ же вамъ любить, и гдѣ же вамъ стра-
дать

Страданіемъ любви Распятаго за братій?
И гдѣ же вамъ чело безтрепетно подъять
Подъ взмахомъ топора общественныхъ понятій?
Нѣтъ, нѣтъ,—нашъ путь иной, и крестъ не
вамъ нести:

Тяжелъ, не по плечамъ, и вы на полпути
Сробѣте предъ общимъ крикомъ,
Зане на трапезѣ божественной любви
Вы не причастники, не ратоборцы вы
О благородномъ и великомъ.
И жребій жалкій вашъ, до пошлости смѣшной,
Пророки ваши вамъ воспѣли...
За сплетни праздныя, за эгоизмъ больной,
Въ скотскомъ безстрастіи и съ гордостью нѣ-
мой,

Безъ сожалѣнія и цѣли,
Везумно погибать, и завѣщать друзьямъ
Всю пустоту души и весь печальный хламъ
Пустыхъ и дѣтскихъ грезъ, да шаткое безвѣрье;
Иль цѣлый вѣкъ звонить досужимъ языкомъ
О чуждомъ вовсе вамъ великомъ и святомъ,
Съ богохуленьемъ лицемѣрья!...
Нѣтъ, нѣтъ,—нашъ путь иной!—Вы не видали
ихъ,

Египта древняго живущихъ изваяній,
Съ очами тихими, недвижныхъ и нѣмыхъ,
Съ челою, сіяющимъ отъ царственныхъ вѣн-
чаній.

Вы не видали ихъ,—въ недвижныхъ ихъ чер-
тахъ

Вы жизни страшныхъ тайнъ безстрашнаго со-
знанья

Съ надеждой не прочли: имъ книга упованья
По волѣ Вѣчнаго начертана въ звѣздахъ,
Но вы не зрѣли ихъ, не видѣли межъ нами
И тѣми сфинксами таинственную связь...
Иль если бы видѣли,—нечистыми руками
Съ подножія совлекли бы, чтобы уронить ихъ
съ вами

Въ демагогическую грязь!

Мы не споримъ, что въ первой половинѣ этого стихотворенія между плохими стихами есть и удачные, и смыслъ виденъ; но что

такое хотѣлъ сказать авторъ своими «египетскими изваяніями»—Богъ вѣсть!

Григорьевъ можетъ писать; но ему нужно сознать значеніе и характеръ своего таланта. По нашему мнѣнію, ключъ къ этому сознанию находится въ латинскомъ эпиграфѣ къ одной изъ неудачныхъ пьесъ его: «Fecit indignatio versum.» Но онъ вовсе не лирический поэтъ, и дѣлая себя героемъ своихъ стихотвореній, онъ только путается въ неопредѣленныхъ и безвыходныхъ рефлексіяхъ и ощущеніяхъ. Пиша, онъ долженъ забыть о Лермонтовѣ, или сумѣть взять отъ него только свое, не касаясь чужого. Мы не отрицаемъ въ Григорьевѣ, какъ въ человѣкѣ, никакого нравственного превосходства, ни способности страдать; но желаемъ только, чтобы онъ осторожнѣе и умѣреннѣе говорилъ въ своихъ стихахъ о томъ и другомъ, особенно о послѣднемъ.

Еще замѣчаніе: Григорьевъ любить употреблять слово *зане*, и это выходитъ у него крайне неловко. Это слово ввелъ Пушкинъ, но онъ употребилъ его только разъ въ «Борисѣ Годуновѣ», очень ловко, кстати и на мѣстѣ. Потомъ употребилъ его Баратынскій въ прекрасномъ стихотвореніи своемъ «На Смерть Гёте», гдѣ оно вышло тоже не совсемъ на мѣстѣ. Больше никто не употреблялъ этого слова. Оно хорошо для поэзіи, замѣняя книжное и бо и прозаическое по тому что, но—*usus tyrannus*—старая истина! Чего не могъ ввести Пушкинъ, того не введетъ Григорьевъ...

Полонскій находится въ обратномъ отношеніи къ Григорьеву. У него больше самостоятельнаго элемента поэзіи, слѣдовательно, больше таланта, но ни съ чѣмъ не связанный, чисто внѣшній талантъ этотъ можно разсмотрѣть и замѣтить только черезъ микроскопъ—такъ миниатюрень онъ... Заглавіе: «Стихотворенія 1845 года» обѣщаетъ намъ длинный рядъ небольшихъ книжекъ; обѣщаніе нисколько не утѣшительное! «Стихотворенія 1845 г.» ужъ хуже стихотвореній изданныхъ въ 1844 году... Это плохой признакъ... Григорьеву есть о чемъ писать, не недостаетъ способности къ формѣ,—хотя и тутъ сила чувства и мысли иногда блистательно выручаетъ его; но Полонскому рѣшительно не о чемъ писать, т. е. нечего вкладывать въ свой гладкій, а иногда и дѣйствительно поэтический стихъ... Это заставляетъ его прибѣгать, за отсутствіемъ мысли, къ умничанію и хитрымъ рефлексіямъ. Прочтите его «Факиръ и Ключъ»: что это такое? Сто пудовъ посредственныхъ стиховъ тому, кто разгадаетъ и расплететъ эту путаницу словъ и стиховъ!... Къ числу пьесъ, подобно «Факиру и Ключу», отличающихся понятностью, принадлежатъ также «Ис-